

«Домострой», то по существу оно отвергает и опровергает обветшавшие домостроевские догмы. Свободомыслящего дворянина до глубины души возмущает семья, в которой «отец в сыне своем видит своего раба». «Но если, — говорит он, — в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев... то нет, кажется, нужды власть родительскую делать беспредельною». Еще больше претит ему власть косных обычаев и норм поведения, противоречащих истинной добродетели, но освященных авторитетом церкви и закона: «Не бреги обычаев и нравов, не бреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай николи нарушения ее прикрывать робостью благоразумия».

В главе «Подберезье» новгородский семинарист делится своими пытливыми размышлениями, изложенными типичным языком выученика духовной школы, витиеватым и тяжеловесным, впрочем, не без элементов просторечия, характерного для представителя этой среды («душенька моя набродится досыта»). Тем не менее по своим убеждениям он является вольнодумцем, резко протестующим против школьной схоластики, ложного академизма, оторванного от жизни классического образования, против суеверия, невежества и рабства. В радищевском семинаристе можно видеть прямого, хоть и отдаленного, предшественника тех разночинцев, выходцев из духовного сословия, которые несколькими десятилетиями позже вступали в ряды революционных демократов.

4

Две основных речевых традиции, сосуществующие в «Путешествии из Петербурга в Москву», — высокий «славяно-русский» слог и просторечие, — несмотря на напряженнейшую работу автора над языком своей книги, не были сведены им к стилевому единству. Писателю не удалось избежать разностильности, как не удалось в словесном выражении своих идей, впечатлений, переживаний побороть те невероятные трудности, которые неизбежно возникали вследствие недостаточной выработанности литературного языка в конце XVIII века.

Оформление фразы нередко стоило Радищеву, видимо, огромных усилий. На первой же странице вступительной главы «Выезд» он пишет, например, так: «Спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения». Пристрастие к метафорическим украшениям не обеспечивало надлежащей ясности изложения, как например: